

Полевые исследования

Полевое исследование индустриального района: стратегии сбора и анализа визуальных данных¹

Анна Стрельникова*, Александрина Ваньке**

В статье рассматриваются стратегии сбора и анализа визуальных данных в полевом исследовании, направленном на изучение индустриального района. Социологи все чаще используют визуальные данные в исследовательской практике, однако методическая рефлексия относительно процедур сбора и анализа таких данных проводится редко. Данная статья восполняет этот пробел и вносит вклад в осмысление методов сбора и анализа визуальной информации. Особое внимание уделяется таким методам, как включенное наблюдение, биографическая прогулка и ментальные карты. На эмпирических материалах демонстрируются процедуры многоаспектного качественного анализа, позволяющего уйти от излишней описательности в сторону аналитических сравнений и построения классификаций: сопоставление визуальных и текстовых данных, создание многомерных карт, ранжирование упоминаемых объектов. С методической точки зрения в ходе анализа наблюдений, биографических прогулок и ментальных карт возможно использование взаимодополняющих друг друга стратегий: расчет частотности элементов образа района; построение классификации фотографий, карт и схем; комбинирование визуальных и текстуальных интерпретаций карты (составленной как исследователем, так и информантами) в контексте ситуации. Авторы демонстрируют возможности и ограничения каждого из вышеперечисленных методов на примере полевого исследования индустриального района и приходят к выводу о том, что их триангуляция позволяет обогатить интерпретации и повысить надежность получаемых результатов.

Ключевые слова: визуальные данные, полевое исследование, методы сбора и анализа данных, биографическая прогулка, включенное наблюдение, ментальные карты, индустриальный район, пространственные практики

Индустриальный район понимается как часть городской территории, некогда образованной вокруг промышленных объектов (Carmon, Eizenberg, 2015) и предназначенной для работы, жизни и досуга работников предприятий. В советское время одна из задач индустриального района (или рабочего поселка) состояла в организации коллективной жизни его резидентов. Изменения в социальной структуре российского общества привели к тому, что подобные территории, которые в советское время были центрами

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 17-33-01006 «Прошлое и настоящее рабочих районов: трансформации социокультурной и территориальной идентичности».

* Стрельникова Анна, кандидат социологических наук, доцент кафедры методов сбора и анализа социологической информации департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социологии РАН. astrelnikova@hse.ru.

** Ваньке Александрина, кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социологии РАН, доцент социологического факультета ГАУГН. alexandrina.vanke@gmail.com.

притяжения рабочей силы и имели не только экономическое, но и символическое значение, сегодня все чаще используются для иных целей, утрачивая свои первоначальные функции. Данный процесс трансформации индустриальных районов идет с нарастающей интенсивностью (Strangleman, 2017), что требует разработки исследовательского инструментария, подходящего для комплексного изучения данного процесса. При этом особую важность приобретают описание и анализ визуальных образов индустриальных районов, поскольку именно в визуальной среде находит отражение трансформация социальных отношений в городском пространстве.

В данной статье на примере изучения городского пространства рассматривается потенциал различных методов сбора и анализа визуальных данных в качественном полевом исследовании, среди которых: включенное наблюдение, биографическая прогулка и ментальные карты, а также их триангуляция на этапе сбора и анализа данных. Все перечисленные методы предполагают проведение визуального анализа, т. е. описание объектов или явлений сквозь призму визуальных образов и репрезентаций, а также выявление смыслов, значимых в повседневной коммуникации индивидов и групп. В основу анализа легли эмпирические данные, собранные нами в 2017 г. при помощи упомянутых методов в районе Южное Тушино (индустриальный район вблизи Тушинского машиностроительного завода, г. Москва) и в районе Уралмаш (индустриальный район вблизи одноименного завода, г. Екатеринбург)².

Включенное наблюдение

Как отмечает ряд исследователей, включенное наблюдение представляет собой комплекс исследовательских практик, осуществляемых непосредственно в физическом пространстве и направленных не только на погружение в повседневную жизнь объекта (в нашем случае — района) на уровне вовлеченности в коллективные практики и действия, но и на фиксацию визуальных данных об изучаемом объекте (Уйти, чтобы остаться..., 2009; Штейнберг и др., 2009, с. 122; Бредникова, Запорожец, 2016). В процессе сбора данных включенное наблюдение в индустриальном районе предполагало такие индикаторы, как описание социальных характеристик и практик повседневной жизни жителей района; описание способов перемещения по району и доступности отдельных его частей; определение субъективных границ района и границ заводской территории; описание инфраструктуры района, описание эмоциональной, визуальной и звуковой составляющих пространства и т. д. Результаты наблюдения мы фиксировали в виде фотографий, карт-схем, индивидуальных дневников наблюдения. Карты-схемы, как правило, представляли собой планы территории района или отдельного места наблюдения, загруженные из приложений «Google Карты» или «Яндекс. Карты» (см. стр. 19), с последующим нанесением на них маршрутов и объектов, времени, потраченного на маршрут, и другой информации.

Стратегия анализа данных включенного наблюдения подразумевает сопоставление визуальных образов и текстов: карт и текстов дневников, фотографий и текстов дневников, фотографий и карт друг с другом. Кроме того, в случае работы нескольких наблюдателей, представляется интересным сопоставить несколько «фокусов» как в картировании одного и того же пространства, так и в дневниковых записях.

1. Сопоставление карт и текстов. Несмотря на то, что на исследовательской карте (см. рис. 1) отчетливо видны масштабы заводских территорий (квадраты 2 и 3, серый

---

² В сборе полевых данных, используемых в статье, принимали участие Александрина Ваньке, Елизавета Полухина, Анна Стрельникова. В сборе наблюдений в районе Южное Тушино также принимали участие студенты: Иван Касьяненко и Мария Ткаченко.

цвет на «Яндекс. Карте»), наблюдатель написал в дневнике, что «...район ассоциируется скорее со спальным, чем с промышленным или деловым... предприятия расположены аккуратно на окраине района» (дневник наблюдения ЮТ-4 от 19.05.2017). Очевидно, что речь идет о личных границах наблюдателя, о его субъективном восприятии района. Этот же момент был отмечен и другим наблюдателем, сообщившим, что завод совершенно не заметен в пространстве района и что его трудно найти: «...на квадратах I4, I5, т4, т5 расположен ТМЗ и связанные структуры. Они обнесены высоким забором с колючей проволокой... многие прохожие даже не представляли, что это за завод и где он расположен» (дневник наблюдения ЮТ-5 от 02.06.2017).

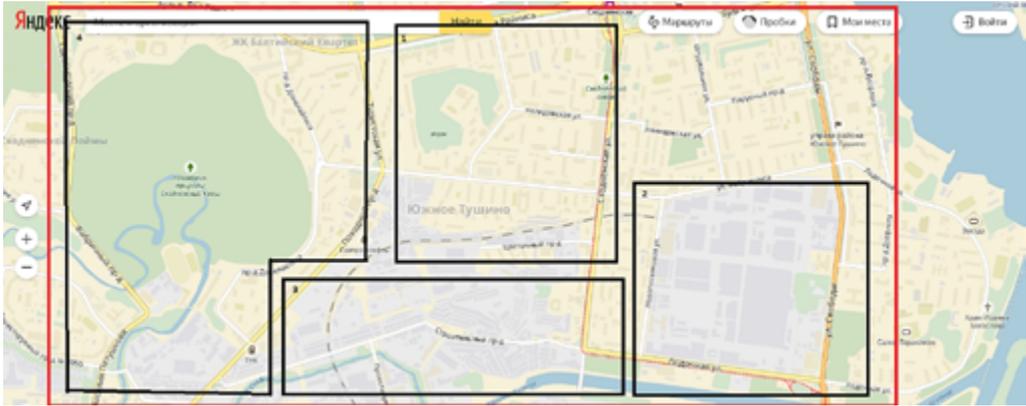

Рис. 1. Схема наблюдения из дневника по району Южное Тушино (ЮТ-4) от 19.05.2017

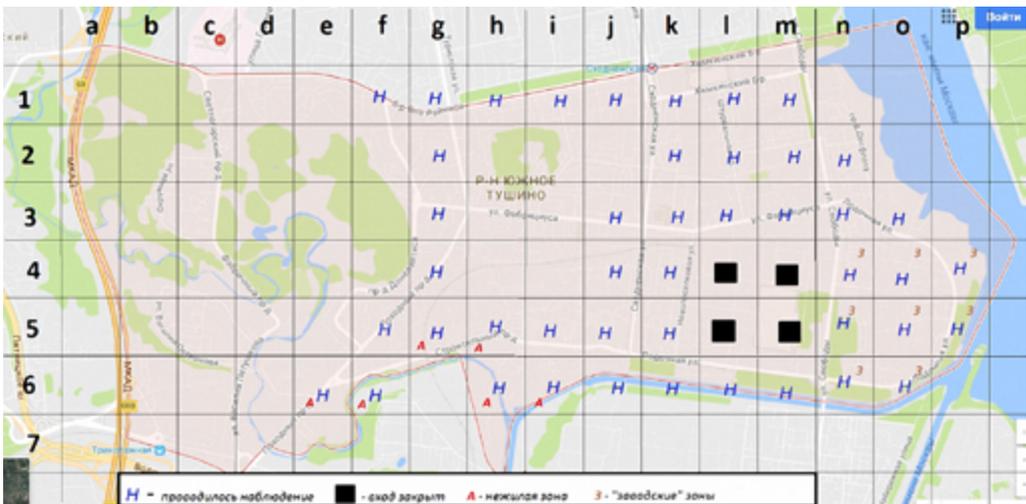

Рис. 2. Схема наблюдения из дневника по району Южное Тушино (ЮТ-5) от 02.06.2017

Для того чтобы избежать в процессе включенного наблюдения получения неинформативных данных («заводской район без завода»), после первых выходов в поле следовало определить фокус наблюдения и уточнить, что наблюдать (Штейнберг и др., 2009, с. 125). В данном случае это касалось дополнительных рекомендаций о наблюдении вокруг завода в разное время суток, а также в будни и выходные.

Включенное наблюдение позволяет изучить, как социальное пространство становится проекцией социального (Бурдые, 2005, с. 53), например, на уровне формирования зон проживания рабочих и других резидентов пространства (например, обладателей более высоких социальных статусов), т. е. провести анализ структурирования пространства по таким категориям, как «элитное»/«простое», «социальное» жилье, доступная/недоступная территория, и др. Например, на рисунке 2 наблюдатель пометил часть квадратов на карте буквой «З» (заводские зоны), поясняя, что «они преимущественно состоят из старых кирпичных и панельных домов» (дневник наблюдения ЮТ-6 от 04.06.2017). При этом на фотографиях можно увидеть, что в некотором отдалении от «заводских» домов, на берегу реки, расположен огороженный элитный мини-комплекс, состоящий всего лишь из одного малоквартирного дома с прилегающей к нему территорией под круглосуточной охраной.

Рис. 3. Элитный мини-комплекс на фоне панельной застройки, Южное Тушино, г. Москва, 09.04.2017

2. *Сопоставление фотографий и текстов.* На рисунке 4 мы видим элемент индустриального пейзажа в районе Южное Тушино. Заводские трубы являются достаточно заметной визуальной доминантой, что и было зафиксировано в ходе наблюдения одним из авторов статьи. Парадоксально, но «оптика» менее опытных наблюдателей (студентов, привлеченных для сбора данных) запечатлела прежде всего торговые центры, прогулочные места, индустрию развлечений (точнее, ее отсутствие: «мало развлекательной инфраструктуры: музеев, кинотеатров, клубов, баров» (дневник наблюдения ЮТ-7 от 09.06.2017), но не была настроена на завод, что и сделало его «невидимым» в общем пространстве района.

Общее впечатление о визуальном образе района Южное Тушино по итогам серии наблюдений сложилось достаточно парадоксальным. Вместо «индустриальной пустыни» (дневник наблюдения ЮТ-1 от 09.04.2017) в весенне-летний период этот район визуально воспринимается как зеленый, аудиально — как тихий. В нем много «...деревьев и лесопарковых зон... лес, который приходится преодолевать, перемещаясь по району» (дневник наблюдения ЮТ-6 от 04.06.2017), а «первое, что хочется

Рис. 4. Пейзаж района Южное Тушино, г. Москва, 09.04.2017

отметить — спокойствие района» (там же). Примечательно, что наблюдение в районе Уралмаш привело к похожим результатам: «сейчас Уралмаш такой зеленый, что напоминает новосибирский Академгородок, который буквально находится “в лесу”» (дневник наблюдения У-3 от 03.06.2017).

Рис. 5. Пейзаж района Южное Тушино, г. Москва, 10.05.2017

Рис. 6. Пейзаж района Уралмаш, г. Екатеринбург, 03.06.2017

Таким образом, по результатам включенных наблюдений индустриальный район представляет собой визуальное пространство, насыщенное не только сочетаниями прошлого и настоящего, но также сочетаниями промышленного («серого») и природного («зеленого»). Визуальные данные, полученные в ходе включенного наблюдения, дополненные анализом интервью, биографических прогулок и ментальных карт, предоставляют возможность проверить социологическую информацию, полученную с помощью других методов, и зафиксировать не проговариваемые сюжеты, которые, тем не менее, оставляют символические следы в городском пространстве индустриального района или наглядно демонстрируют социальные деления, проходящие по границам физического и социального пространств.

Биографическая прогулка

Биографической прогулкой мы называем «гибридный» (Kusenbach, 2003) метод сбора данных, учитывающий разные регистры взаимодействия исследователя и носителя информации, в том числе их статику и динамику: сбор данных происходит поэтапно, начинаясь с традиционного интервью и продолжаясь в формате интервью во время прогулки (интервью в движении и включенное наблюдение)³. Основная идея метода заключается в постепенном разворачивании сюжетов биографии индивида с помощью прогулки, поскольку перемещения в пространстве позволяют «проживать» заново жизненный опыт, связанный с этими перемещениями, и реконструировать события жизни благодаря биографическому импульсу (Стрельникова, 2012, с. 53–61, 140–158).

³ Прим. Анны Стрельниковой: с текстом этнографа М. Кузенбах (Kusenbach, 2003) по описанию *go along* интервью, т. е. интервью с сопровождением респондента куда-либо, мне довелось познакомиться лишь спустя несколько лет после активной работы с биографическими прогулками. Однако биографическая прогулка остается самостоятельным авторским методом, так как имеет свои содержательные и методические особенности.

Биографические прогулки в Южном Тушино и на Уралмаше проходили в два этапа. На *первом этапе* с каждым информантом проводилось традиционное биографическое интервью средней продолжительностью около 2,5 часов, где выстраивались сюжеты жизни с детства и по настоящее время (ключевые темы: «прошлое» и «настоящее»), постепенно фокусируясь на темах «городской биографии» (пространственные практики и уточнение сюжетов жизни, связанных с изучаемым районом). В частности, определялись привычные маршруты, по которым респондент перемещался в прошлом, фиксировалось общее отношение к району проживания в прошлом и настоящем, обсуждались практики появления любимых и нелюбимых мест в городе и «на районе»⁴. После этого информантам было предложено показать в формате прогулки один из своих привычных маршрутов по району, либо один из маршрутов, который связан с событиями прошлого и мог уже давно не посещаться.

На *втором этапе* (он мог быть организован сразу после интервью либо в другой день в специально оговоренное время) исследователь вместе с информантом отправлялся на прогулку по выбранному маршруту. По ходу проводилось второе интервью, в котором дополнительно отмечалась тематика, связанная с маршрутом: количество и характеристики объектов, о которых рассказывал информант; время, потраченное на маршрут; скорость; остановки; обоснование исходного маршрута и все его изменения, которые происходили в течение прогулки; точки маршрута, связанные с биографическими событиями, описываемыми информантом. Таким образом, этот этап представлял собой комбинирование наблюдения в движении и интервью в движении, в результате уточнялись и дополнялись все основные сюжеты из первичного интервью. Примерный перечень вопросов, задаваемых во время биографической прогулки: *Почему вы начали прогулку именно с этого места? Имеет ли это место какое-то особое название у вас или среди местных жителей? Что является символом этого района, что отражает его характер? Какие чувства Вы испытываете сейчас, когда речь заходит о месте Вашего проживания? Есть ли в вашем районе такие места, где Вы никогда не были? Где они находятся? Есть ли здесь какой-то уголок, про который Вы бы могли сказать, что это Ваше любимое место? С кем Вы познакомились, живя здесь? В чем Вам это помогло?* После прогулки, при необходимости, мог состояться третий этап — завершающая фаза интервью с обсуждением сюжетов, которые появились в ходе прогулки и которых не было в первичном интервью.

Отметим, что в ходе прогулки важно не только и не столько задавать вопросы, но обращать внимание на нарратив — самостоятельный рассказ информанта о тех местах, по которым выстраивается прогулка, так как ряд сюжетов и смыслов всплывает в памяти «по ходу» маршрута. К схожему методическому выводу пришли исследователи маршрутов памяти в молодых индустриальных городах (Веселкова и др., 2016).

Фиксация маршрута перемещений и проводимого интервью может происходить как непосредственно в ходе прогулки (благодаря аудиозаписи, фото- и видеосъемке), так и посредством современных геолокационных технологий, в т. ч. через различные мобильные приложения. В ходе сбора данных проводилось фотографирование, записывалось видео с помощью камеры go-pro и смартфона, маршруты фиксировались автоматически в современных геолокационных приложениях («Google Карты»), а сами интервью записывались на диктофон. По поводу использования гаджетов в исследовательских целях спрашивалось согласие информантов.

Перейдем к анализу данных, полученных с помощью биографических прогулок. Основной стратегией при проведении анализа можно считать *построение многомерной*

⁴ В случае с Уралмашем, помимо вопросов о пространственных практиках, использовалась проективная методика: рисунок «ментальная карта района».

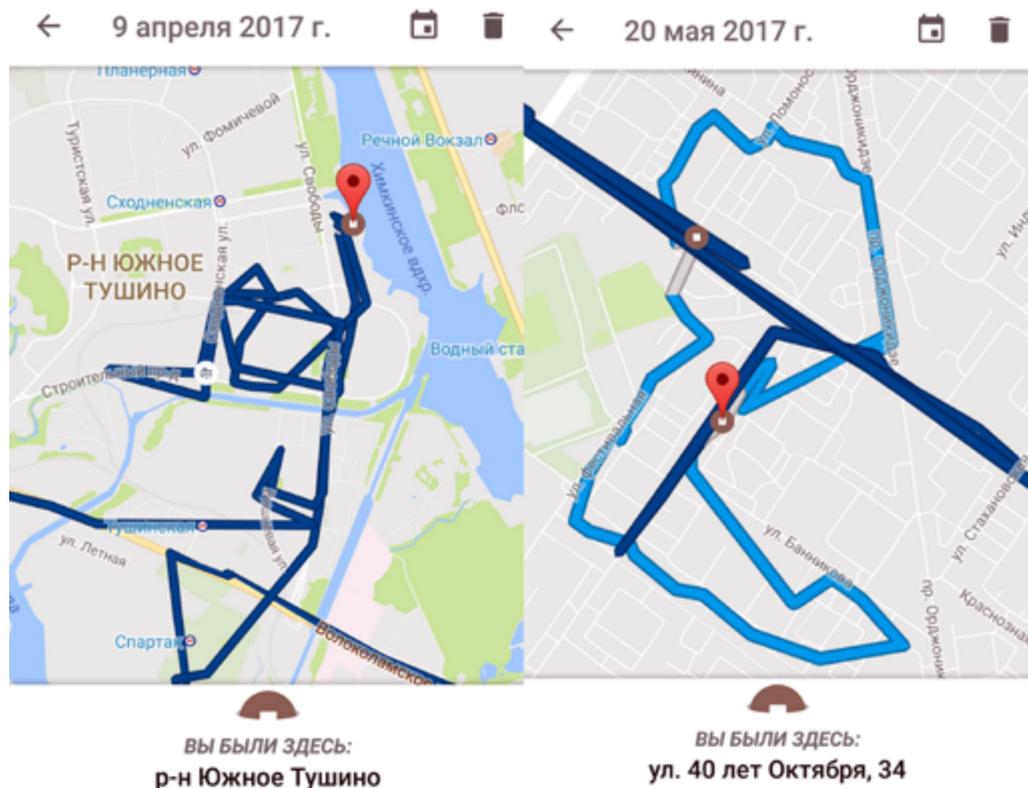
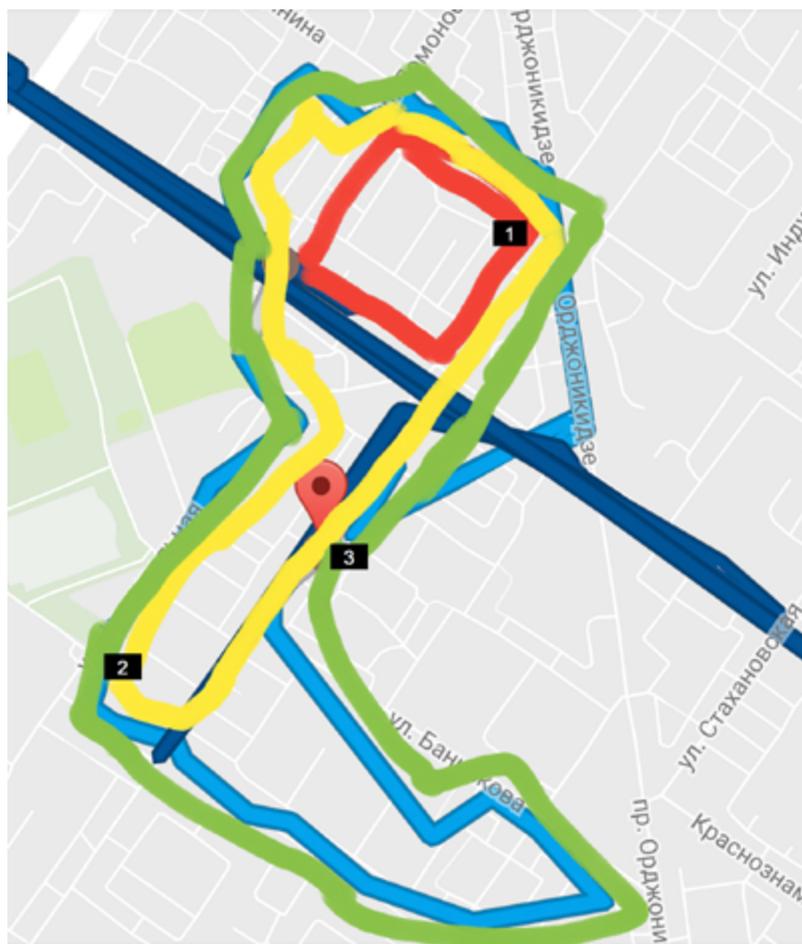

Рис. 7. Пример фиксации пройденного маршрута в приложении «Google Карты»

карты, дополненной визуальными и текстовыми отображениями пространственных практик (фотографиями и цитатами из интервью во время движения). В результате можно получить насыщенное визуальное описание «пространственных карт памяти», т. е. сопоставление биографических сюжетов с маршрутами, местами, объектами. Можно предположить, что по насыщенности карт можно сравнивать характер территориальной идентичности у разных групп обитателей района. Эту стратегию может дополнить традиционный частотный анализ, подразумевающий, к примеру: подсчет упоминаний различных объектов; время, потраченное на описание того или иного сюжета, ассоциируемого с данной территорией; количество остановок во время прогулки, и др.

1. Частотный анализ. На примере одной из прогулок, проведенной в районе Урал-маша с женщиной-работницей одноименного завода (ж., 49 лет, аппаратчик химводоочистки, 20.05.2017), покажем одну из вариаций частотного анализа. Прогулка длилась около полутора часов, и на рисунке 8 представлена визуализация по упоминаемости различных слов в течение прогулки. В данной визуализации можно четко увидеть три основные категории слов: слова-ориентиры в пространстве (тут, здесь, там), слова-ориентиры во времени (сейчас, тогда, раньше, было), слова-объекты пространства и элементы инфраструктуры (дом, двор, улица, магазин, тротуар, лавочки, садик, ДК). Можно предположить, что наполненность этих категорий зависит от образа жизни и времени проживания на данной территории. В случае с анализируемой прогулкой мы видим, что прогулка была наполнена воспоминаниями, в ходе которых некоторые объекты пространства района упоминались чаще остальных: собственный дом, магазины,

Рис. 9. Пример поэтапного переопределения границ маршрута в ходе биографической прогулки с информанткой: ж., 49 лет, аппаратчик химводоочистки, 20.05.2017

Структурно маршрут прогулки состоит из «узлов» (поворотных точек, перед которыми совершается остановка) и «путей» (собственно непрерывного пути в одном направлении). Любопытным и важным аспектом при проведении прогулок стало то, что «реальные» маршруты строились, как правило, не по геометрическим схемам улиц и тротуаров, а по вытопанным дорожкам среди дворов, что отражает «индивидуализацию» в использовании пространства. При этом «чистые, парадные» пути противопоставляются «грязным, привычным»:

- Тут колодец... не знаю, как насчет провалиться, но упасть можно.
- А тротуар?
- Тут тротуара и нет никакого.
- И не было никогда?
- И не было никогда. Без него привыкли ходить.
- Угу.
- А здесь культурно по дорожке идешь.
- Культурно?
- Можно не культурно: там, по тропиночкам.

— То есть Вы различаете, культурно — не культурно, да?
— Да. Или по чистому идти, или там. Я всегда хожу дворами, срезаю где-нибудь куда-нибудь (ж., 49 лет, аппаратчик химводоочистки, родилась на Уралмаше, 20.05.2017).

Рис. 10. Пример выстраивания многомерной карты по результатам прогулки с информанткой: ж., 49 лет, аппаратчик химводоочистки, 20.05.2017

На рисунке 10 мы видим пример выстраивания многомерной карты, состоящей, с одной стороны, из географических точек, с другой стороны, из визуальных образов, соответствующих этим точкам, и, с третьей стороны, из высказываний информанта, соответствующих нахождению в данных точках маршрута. Подобную карту можно насыщать и далее, сопоставляя элементы маршрута с горизонтом воспоминаний информанта, заменяя статичные фотографии динамичными отрывками из видео и др.

В целом проведенные биографические прогулки показали, что преобладающие формы социальной активности формируют самоидентификацию с определенными сегментами территории района: для молодых родителей наиболее важными становятся аспекты безопасности дворов и улиц для детей, для малообеспеченных жителей — ценовая доступность различных точек торговли «на районе» и др. При этом карта освоения района, отражающая территориальную идентичность, содержит маршруты от дома и мест детских прогулок к местам учебы, романтических встреч, работы, потребления, досуга и т. д. К данному перечню, характерному для любой обжитой территории, в индустриальном районе добавляются завод и заводская инфраструктура как территориальные доминанты, которые выполняют роль «резервуаров» ностальгии для старшего поколения жителей района.

Ментальные карты

Ментальные карты относятся к числу проективных методик, которые обращены к социальному воображению индивида и предоставляют ему возможность широкого и не связанного выбора ответа (Бикбов, 2007, с. 163; Стрельникова, 2012, с. 31). Вместе с тем

они являются результатом работы ментальных схем, позволяя воображению достраивать и изменять социальную действительность (Ваньке, 2010, с. 168). Ментальные карты делают видимыми представления людей о социальной реальности и визуализируют восприятие городского пространства, которое структурировано социальными делениями (Бурдые, 2005, с. 50). В этом смысле ментальные карты, с одной стороны, выступают способом изучения представлений о физическом пространстве (Глазков, 2013, с. 40), с другой стороны, служат инструментом анализа восприятия и воспроизводства социальных неравенств. Как пишут М. Н. Вандышев, Н. В. Веселкова и Е. В. Прямикова, «такие карты, создаваемые информантами по просьбе исследователей по принципу “здесь-и-сейчас”, являются спонтанными набросками. Люди изображают то, что в большей степени актуализировано в их жизненном мире, и то, что они считают знаковым для самого города» (Вандышев и др., 2013, с. 103). Таким образом, ментальные карты фиксируют не только обобщенный образ места жительства, но и репрезентируют в какой-то степени опыт повседневной жизни (Вандышева и др., 2013, с. 103).

В исследовательской практике ментальные карты получили распространение после того, как К. Линч использовал их при изучении образов американских городов (Линч, 1982, с. 16; Глазков, 2013, с. 40) и пришел к выводу о том, что образ города, несмотря на зыбкость, обладает устойчивой структурой и состоит из следующих элементов: «пути», «границы», «районы», «узлы» и «ориентиры» (Линч, 1982, с. 51–52). В предложенной Линчем классификации районы представляют собой крупные или средние по размеру части города — целостные пространственные образования с границами, в которые можно мысленно «войти» и из которых мысленно можно «выйти»; они имеют общие свойства, узнаваемые городскими жителями (Линч, 1982, с. 51).

Изучая повседневную жизнь заводских рабочих в индустриальном районе Уралмаш, мы применяли ментальные карты, во-первых, потому, что данная методика позволяет выявить представления резидентов, т. е. коренных жителей района, о месте своего проживания, приблизиться к пониманию их социального опыта и практик повседневной жизни, а также — реконструировать символически значимые места, нагруженные многослойными смыслами. Во-вторых, ментальные карты наряду с проективной методикой «круги общения» (Parsons, Elliot, 2010) могут внести вклад в изучение социальных сетей и взаимодействий жителей индустриального района и выявить барьеры для прямой коммуникации между разными социальными группами: например, резидентами и новыми жителями, проживающими на одной территории. Наконец, ментальные карты, дополненные эмпирическими материалами, собранными с помощью других методов качественного полевого исследования: полужформализованное интервью, биографическая прогулка, наблюдение, делают возможной аналитическую триангуляцию, что повышает надежность результатов (Стрельникова, 2012, с. 26).

На завершающей стадии полужформализованного интервью информантам предлагалось нарисовать ментальную карту района⁵. Изначально, до проведения исследования, задание было сформулировано следующим образом: «*Нарисуйте, пожалуйста, свой район, отметьте на нем свой дом и наиболее важные для Вас места*». Однако после первых интервью выяснилось, что, если дословно воспроизводить данную формулировку, информант нарисует карту, обозначит на ней свой дом и далее нанесет значимые места. Тем самым исследователь навязывает собеседнику картографическое видение района,

⁵ В период с 15 мая 2017 г. по 3 июня 2017 г. нами было собрано 15 ментальных карт рабочих, занятых на заводе «Уралмаш» и проживающих в одноименном районе, а также 4 ментальные карты представителей других социальных групп, проживающих в районе Уралмаш, в их числе: преподаватель, фотограф, научный сотрудник, журналист. В комплексном исследовании мы дополняем анализ ментальных карт интерпретацией других данных, имеющихся в нашей базе (интервью, фотографии, дневники наблюдения и др.).

т. е. предконструирует тип изображения, которое при других обстоятельствах могло бы иметь иной вид. Кроме того, использование выражения «свой район» не гарантирует того, что рисунок будет связан с районом проживания. В силу того, что задача проекта состояла в изучении образа конкретного индустриального района, находясь в поле, мы произвели корректировку задания, которое в последующих интервью стало звучать так: «Нарисуйте, пожалуйста, район Уралмаш, каким вы его видите». Данное уточнение позволило нам в дальнейшем получить разные типы ментальных карт, которые представляют собой не только схемы, но и объемные символические изображения. В процессе выполнения задания один из исследователей фиксировал на видеокамеру то, как информант рисует район. Данная процедура позволила впоследствии реконструировать процесс составления ментальной карты. Благодаря видеозаписи мы можем восполнить множество важных деталей, например, точно определить, с чего начинается каждая карта, как она постепенно заполняется элементами, какие элементы наносятся последними, что вызывает сложности и т. д. После выполнения этого задания мы просили информантов объяснить, что именно они нарисовали.

Перед тем, как начать анализ ментальных карт заводских рабочих, отметим, что они служат средством перекодировки смыслов района. Семантические переходы могут осуществляться одновременно в двух направлениях: физическое пространство индустриального района, сопряженное с телесным опытом информанта ⇔ изображение района на белом листке бумаги ⇔ образ района в социализированном воображении информанта (см. рис. 11).

Рис. 11. Перекодировка смыслов индустриального района посредством ментальной карты

При непосредственной работе с ментальными картами применимы три взаимодополняющие стратегии анализа: стратегия ранжирования, классификационная стратегия и интерпретативная стратегия.

1. *Стратегия ранжирования* отсылает к исследовательскому опыту К. Линча и связана с определением значимых мест в районе с помощью подсчета структурных элементов образа индустриального района. Для этого, как и в случае с анализом биографических прогулок, необходимо составить таблицу с частотами наиболее упоминаемых объектов на ментальных картах. Это могут быть здания, транспортные развязки, а также символы и другие смысловые обозначения. Эти объекты могут соответствовать классификации элементов образа города Линча: «пути», «границы», «ориентиры», «узлы», но также могут быть распределены и по другим основаниям. Далее выделенные элементы ранжируются (Татарова, 1999, с. 87–99), что позволяет осуществить анализ данных по свойству значимости. Элементы, которым присвоены первые ранги, — наиболее значимые, а те, которым присвоены последние ранги, — менее значимые. Для наглядности приведем пример таблицы с частотами и типами элементов образа района Уралмаш, составленной по ментальным картам заводских рабочих.

Таблица 1

Элементы образа района Уралмаш⁶

Номер элемента	Наименование элемента	Частота	Ранг
<i>Объекты инфраструктуры</i>			
1.	Завод	встречается 13 раз из 15	1,5
2.	Площадь 1-й Пятилетки	6 раз из 15	3,5
3.	Летний парк	6 раз из 15	3,5
4.	Белая башня	4 раза из 15	5,5
5.	Стадион	4 раза из 15	5,5
<i>Транспортная сеть, «пути»</i>			
6.	Дороги (на «старом» Уралмаше)	13 раз из 15	1,5
7.	Метро	3 раза из 15	7,5
8.	Трамвайное кольцо	3 раза из 15	7,5

Элементы «завод» и «дороги» по частоте встречаются 13 раз из 15 и делят между собой первое и второе места. Расчет ранга осуществляется следующим образом: 1-е место + 2-е место / 2 элемента = 1,5. Однако, если мы добавим к ментальным картам рабочих карты представителей других социальных групп, проживающих в районе Уралмаш, то получим другое распределение частот. Например, для новых жителей района, проживающих ближе к станции метро «Проспект космонавтов», наиболее значимым будет элемент «метро».

Следует отметить, что данная аналитическая стратегия имеет свои ограничения. С ее помощью мы не можем делать генерализирующие обобщения, по крайней мере, 15 ментальных карт рабочих для этого недостаточно. Несмотря на это, ранжирование позволяет выявить структурные элементы образа индустриального района и реконструировать символически значимые для той или иной социальной группы места в районе.

⁶ Комментарий к Таблице 1. Всего элементов ранжирования 8. Ранг 1,5 — значимый элемент с наибольшей частотой встречаемости. Ранг 7,5 — малозначимый элемент с наименьшей частотой встречаемости.

Ментальные карты резидентов района наглядно демонстрируют, что смыслообразующим ядром ментальности уралмашевцев является завод, вокруг которого и был образован район в конце 20-х гг. XX в. Следующие по важности элементы — площадь 1-й Пятилетки и Летний парк, которые делят между собой 3-е и 4-е места по частоте встречаемости, их ранг равен 3,5. Эти места упоминаются в «домашних» интервью и в ходе биографических прогулок по району. Один из информантов (м., 53 год, слесарь, родился на Уралмаше, 18.05.2017), изобразивший на своей ментальной карте только завод, после интервью во время прогулки повел нас от своего дома к заводской проходной и завершил маршрут на площади 1-й Пятилетки. Согласно таблице ранжирования, после «завода» и «площади» наиболее важные места в ментальности заводчан — Белая башня и стадион. У информантов старшего возраста эти объекты районной инфраструктуры связаны с детскими и юношескими воспоминаниями. Именно они составляли и до какой-то степени составляют часть их повседневной жизни.

2. *Классификационная стратегия анализа* направлена на построение типологии ментальных карт. Следует учесть, что на основании 15 единиц анализа нельзя построить классификацию, но, тем не менее, можно выдвинуть предположение о некоторых видах карт, которые необходимо проверить на большем массиве данных. Как уже отмечалось выше, в ходе качественного полевого исследования мы изменили формулировку задания. Тем самым мы уменьшили вероятность получения предконструированного результата и расширили рамки для работы социализированного воображения в процессе составления ментальной карты индустриального района. В результате полученные визуальные изображения можно разделить на три типа: карта-схема, карта-образ и карта без связей между объектами.

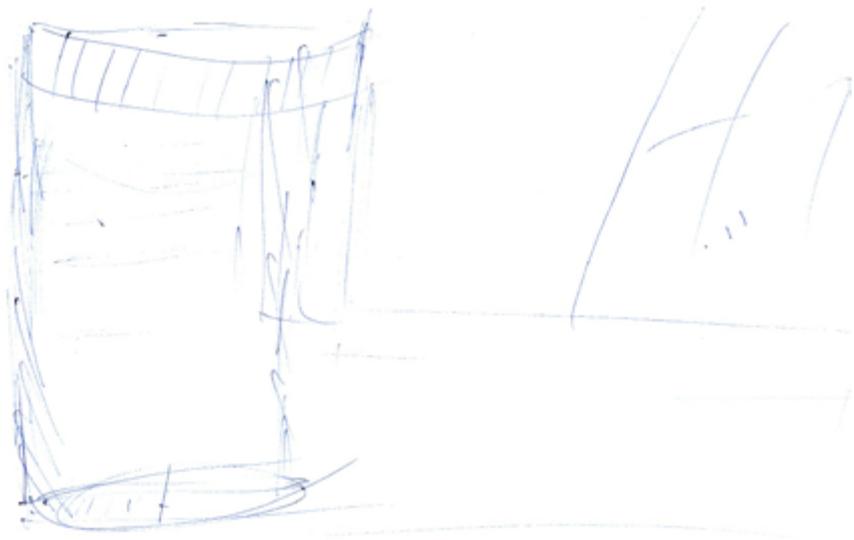
Карта-схема представляет собой подобие географических карт, но не совпадает с реальными картами по пропорциональности, размерам и дистанциям в силу того, что, перемещаясь по району в повседневной жизни, мы захватываем лишь части реальности, имея знакомые и незнакомые маршруты, значимые и незначимые места. Рисунок не повторяет городскую карту, поскольку информант обозначает на нем только те срезы пространства, которые представляют для него ценность и важность (Стрельникова, 2012, с. 45). Наше частичное восприятие пространства района переформатируется в целостный образ на основе фрагментарного «схватывания» реальности с помощью телесных перемещений. Другими словами, информант, составляя карту-схему индустриального района, пытается сделать ее такой, какой она представлена, например, в «Яндекс.Картах» или «Google Картах», но ему это не удается в силу преломления индивидуального восприятия через воображение, опосредованное социальными взаимодействиями и повседневными практиками. Одни информанты начинают рисовать карты-схемы с контура района, как, например, научный сотрудник, проживающий на границе между Уралмашем и Эльмашем, другие — пытаются изобразить дороги и транспортные пути на «старом» Уралмаше (трамвайное кольцо, троллейбусные и автобусные маршруты), третьи, храня в памяти архитектурный проект П. Оранского, рисуют завод как отправную точку, от которой лучами отходят 5 улиц. В результате 12 из 15 ментальных карт заводчан выполнены в виде карт-схем, все 4 карты других жителей района с высшим образованием тоже относятся к данному визуальному типу. Пример карты-схемы представлен на рисунке 12.

Карта-образ, как правило, репрезентирует изображение крупным планом одного объекта, содержащего несколько смысловых значений. Следует отметить, что некоторые исследователи проводят разграничения между собственно ментальными картами и «рисунками как образами пространства» (Стрельникова, 2012, с. 45; Стрельникова, 2013, с. 210–211). Однако мы утверждаем, что объемный рисунок (или символ) индустриального района — разновидность ментальной карты, поскольку он репрезентирует

Рис. 12. Автор рисунка: ж., 54 года, крановщица, родилась на Уралмаше, 17.05.2017

многомерное пространственное изображение, которое является результатом работы ментальных схем индивида, опосредованных опытом жизни в районе. Когда речь идет о районе Уралмаш, то такими символическими объектами с многослойной семантикой выступают заводские трубы, площадь 1-й Пятилетки (рис. 13) и Белая башня (рис. 14), которые легли в основу двух ментальных карт из 15 и могут по праву считаться точками притяжения, смыслообразующими ядрами района, как они были изначально задуманы архитекторами. Обе карты-образы сделаны заводскими рабочими в возрасте 52 и 53 лет, имеющими среднее образование. Однако в них проявлена работа социализированного воображения коренного жителя района Уралмаш, простроенного по смысловой оси «завод» — «водонапорная башня». 52-летняя информантка смотрит на Белую башню каждый день из окон своей квартиры, а 53-летний информант в детстве залезал на нее с друзьями и не может понять, почему она сегодня стала памятником (объектом городского наследия), ведь башня — часть его повседневной жизни.

Рис. 13. Автор рисунка: м., 53 года, слесарь, родился на Уралмаше, 18.05.2017

Рис. 14. Автор рисунка: ж., 52 года, аппаратчик химводоочистки, родилась на Уралмаше, 27.05.2017

Карта без связей между объектами встретила 1 раз из 15 и сделана 60-тилетней машинисткой крана, которая переехала в район Уралмаш из сельской местности после окончания 10 классов. В силу раннего замужества она не стала получать средне-специальное образование, и уже на протяжении 40 лет работает на одном и том же кране в одной и той же должности в одном и том же заводском цехе. Ее ментальная карта, отображающая восприятие «долгожителя» района, состоит из разрозненных кругов, которые в некоторых местах перекрывают друг друга (рис. 15). Объекты районной инфраструктуры заключены в капсулы и репрезентируют наиболее значимые для повседневной жизни информантки зоны: а) быта (магазины, парикмахерская, поликлиника), б) работы (завод, проходная), в) отдыха (парк, кинотеатр и др.).

Рис. 15. Автор рисунка: ж., 60 лет, крановщица, с 17 лет живет на Уралмаше, 29.05.2017

При построении классификации ментальных карт на больших массивах данных возможно соотнесение социальных характеристик информантов с теми типами карт, которые подлежат анализу. Другими словами, можно выдвинуть предварительное предположение о том, что тип ментальной карты (схема, образ, разрозненные элементы без связи) соотносится с социальной траекторией и конфигурацией капиталов информантов: культурного, социального, экономического (в терминах П. Бурдьё) (Бурдьё, 2005, с. 53–54).

3. *Интерпретативная стратегия* предполагает сочетание визуального и дискурсивного анализа ментальных карт, видеоизображений и вербальных комментариев информантов, артикулируемых до, в процессе и/или после составления рисунка. В данном случае исследователь сталкивается с тремя типами данных: 1) непосредственно ментальной картой, 2) текстуальным транскриптом речи информанта, 3) видеозаписями, фиксирующими ситуацию и контекст составления ментальной карты, детали, последовательность вербальных и невербальных действий информантов. Следует оговориться, что полученные таким образом данные, с одной стороны, являются избыточными и сложны для анализа, с другой стороны, в случае необходимости, мы можем вернуться к ним для проверки или формулирования новых гипотез после выхода из поля. Именно такие избыточные данные при их неоднородности открывают возможность для

комплексной и расширенной интерпретации повседневной жизни в индустриальном районе с его многослойными семантическими полями. Таким образом, с помощью третьей стратегии исследователь может анализировать ментальную карту как кейс с учетом ситуации, в которой она была составлена, и проговариваемых информантом комментариев.

В качестве примера проанализируем ментальную карту и комментарии 43-летней сварщицы, которая родилась на Уралмаше и в течение 20 лет работает на заводе, выполняя тяжелую физическую работу. Сначала задание вызывает у нашей собеседницы затруднение, но после недолгих размышлений она начинает рисовать район и объяснять, какие объекты наносит на карту (рис. 16):

— Нарисуйте район Уралмаш. Как Вы его видите...

— Ой, кошмар! Сейчас вспомнить бы. Так, если это площадь. Так, тут Уралмаш-завод. Тут улица Ильича, Орджоникидзе. Тут [бульвар] Культуры. Тут Дом культуры. Значит, тут вот где-то церковь.

— Может быть, если Вы не против, коротко подпишите?

— Дворец культуры. Церковь. УЗТМ, я напишу так сокращенно.

— Конечно, это понятно.

— Вот сюда — кинотеатр «Заря». «Заря», да. Тут где-то «Знамя» должно быть, кинотеатр. «Знамя» написать. Так, тут стадион. Сюда уходит далеко-далеко там Парк Победы (пауза, рисует). От Ильича. Рынок «Омега».

— Это что такое?

— У нас рынок «Омега».

— А! «Омега». Угу.

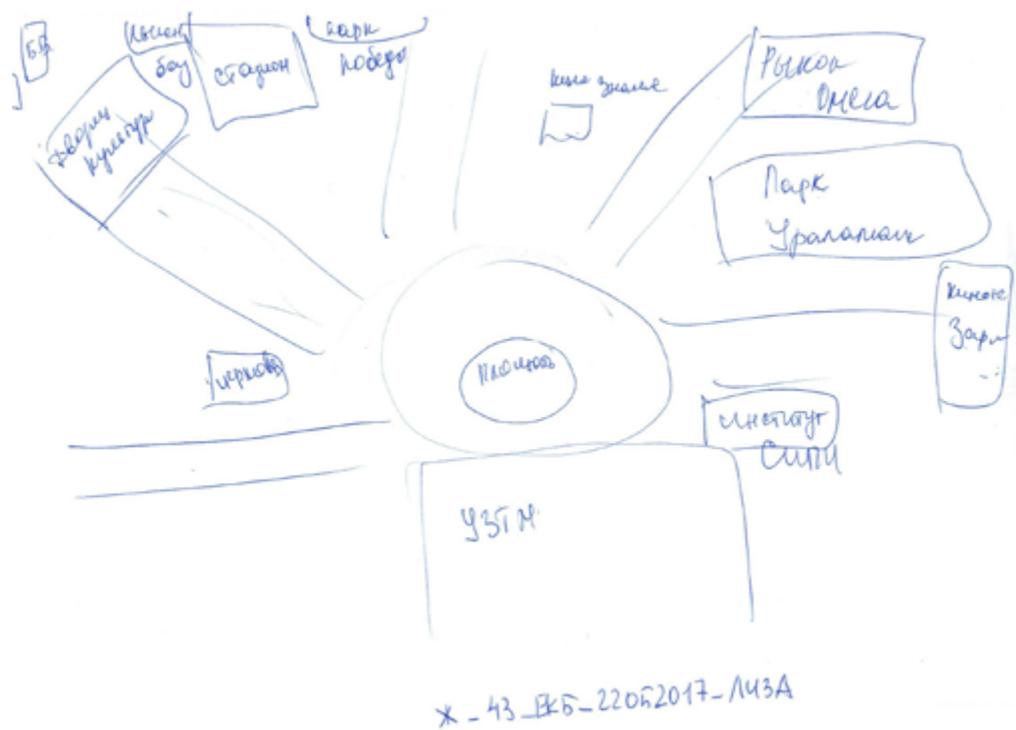

Рис. 16. Автор рисунка: ж., 43 года, сварщица, родилась на Уралмаше, 22.05.2017

— *Дальше, что тут еще? Институт у нас. СИПИ (пауза, рисует). У нас вот тут где-то... Раньше мы вот сюда ходили, карусели всякие, парк маленький был. Я не знаю, как он называется. Знаю, что парк.*

— *Летний сад, нет?*

— *Летний сад или что-то в этом роде... Стадион тут. Тут еще вот лыжная база (рисует). База. Тут Белая башня как раз. ББ (подписывает).*

— *Как Вам рядом с ней живется?*

— *Да ничё, нормально...*

— *Скажите, на Ваш взгляд, где находится центр района?*

— *Ну, все равно площадь.*

— *Почему?*

— *Всю жизнь была такая. Уралмаш и площадь это..., завод и площадь (ж., 43 года, сварщица, родилась на Уралмаше, 22.05.2017).*

Информантка начинает свой рисунок с площади и завода — двух элементов, которые в ее восприятии составляют смыслообразующий центр и служат первоначалом района, далее прорисовывает улицы-лучи и обозначает значимые места, которые, как мы выясняем позже из включенного наблюдения, относятся к «советскому» прошлому. Например, «Парк нашего детства» — современное название Летнего парка, который на данный момент пребывает в запущенном состоянии, хотя по-прежнему выполняет в некотором смысле функцию публичного пространства. Информантка добавляет в ментальную карту свои детские воспоминания, поясняя, что она ходила в этот парк кататься на каруселях, и в то же время отмечает в процессе составления карты изменения, произошедшие с советских времен с парком. Так, мы обнаруживаем на карте парк — «памятное место» в терминах А. Ассман (Ассман, 2014, с. 236–237), с которым связаны воспоминания нашей собеседницы. Другие отсылки к советскому прошлому заключены в названиях элементов карты, например, «Дворец культуры», который сегодня называется Культурный центр «Орджоникидзеvский».

Заключение

Таким образом, мы рассмотрели различные методы сбора и анализа данных о визуальном образе индустриального района. Чтобы придать этому образу целостность, мы предлагаем комбинировать описанные нами методы в комплексном качественном исследовании. В этом случае сюжеты ментальных карт будут дополняться пространственными картами биографических прогулок, сюжеты дневников наблюдений — фотографиями. Иными словами, преимущество комплексного качественного полевого исследования состоит в том, что разные типы данных об одном объекте — в нашем случае об индустриальном районе — могут взаимно обогатить интерпретацию эмпирических материалов. Многоаспектное рассмотрение позволяет исследователю аналитически пересобрать индустриальный район и выделить разнообразные наслоения, пересекающиеся в смысловом и территориальном пространствах.

Наш анализ данных показал, что неотъемлемым элементом визуального образа индустриального района выступает завод, который придает устойчивость и завершенность этому образу. Так, если ключевыми индикаторами, значимыми для любой биографической прогулки, является реконструирование биографии индивида и его семьи в географических координатах, смена темпа во время прогулки, упоминание знаковых мест, легкость в ориентировании по району и способы ориентирования, то для биографических прогулок, проводимых в индустриальном районе, к этим индикаторам добавляется завод как смыслообразующий объект пространства, а также связанные с ним названия и инфраструктурные объекты как ориентиры по району. В свою очередь применение

метода ментальных карт показывает, что смысловой стержень, определяющий структуру воображаемого коренных жителей индустриального района (на примере Уралмаша), проходит сквозь категории «завод» — «площадь» — «башня» — «стадион» — «дворец культуры» — «летний парк». Эта семантическая ось обращена к прошлому и заполнена советскими смысловыми наслоениями. Ментальные карты жителей индустриального района отражают не только повседневность текущего момента, но и фиксируют опыт советской повседневности, которая сформировала их ментальные схемы и хранится не только в памяти заводчан старших возрастов, но и сосредоточена в памятных местах, отображенных на их картах.

С методической точки зрения в ходе анализа как наблюдений, так и биографических прогулок и ментальных карт, возможно использование взаимодополняющих друг друга стратегий: ранжирование визуальных элементов образа района; классификация фотографий, карт и схем; комбинирование визуальных и текстуальных интерпретаций процесса составления карты информантами. Наряду с этим указанные методы, при использовании их по отдельности, обладают и рядом ограничений, которые связаны в первую очередь с зыбкостью анализа и построения на его основе обобщений более высокого уровня. Однако если каждый из описанных нами методов дополняется другими (например, интервью дополняется наблюдением, ментальная карта — биографической прогулкой), то ограничение снимается за счет привлечения и интерпретации дополнительных эмпирических данных и триангуляции методов. Таким образом, сочетание в дизайне качественного полевого исследования разных методов как на уровне сбора, так и на уровне анализа визуальных данных за счет процедуры триангуляции повышает надежность получаемых результатов и углубляет интерпретацию данных.

Литература

- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Бикбов А. Т. Социальные неравенства и справедливость: реальность воображаемого (рисунки современного общества в России и Франции) // Логос. 2007. № 5. С. 162–208.
- Бредникова О. Е., Запорожец О. Н. Ветер, усталость и романтика ночи (об особенностях новых жилых массивов) // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2016. № 2 (8). С. 103–119.
- Бурдые П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Социология социального пространства. М.: Ин-т эксперимент. социологии. СПб.: Алетейя, 2005. С. 49–63.
- Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах горожан // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 3. С. 101–111.
- Ваньке А. В. Действие воображаемого в конструировании действительности: российское общество в рисунках гражданских и политических активистов, журналистов и политиков // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 2. С. 168–187.
- Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. Места памяти в молодых городах. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2016.
- Глазков К. Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика // Социология власти. 2013. № 3. С. 39–56.
- Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982.
- Стрельникова А. В. Социальное картографирование: эволюция метода // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2013. № 2. С. 210–217.
- Стрельникова А. В. Социология города: пространственные практики и жизненные траектории. М.: Тривант, 2012.
- Татарова Г. Г. Методология анализа данных в социологии (введение): учеб. для вузов. М.: Nota Bene, 1999.

Уйти, чтобы остаться: Социолог в поле: сб. ст. / Под ред. В. Воронкова, Е. Чикадзе. СПб.: Алетей, 2009.

Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования / Под ред. И. Штейнберга. СПб.: Алетей, 2009.

Carmon N., Eizenberg E. Neighborhood // The International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences / Ed. by J. D. Wright. Oxford: Elsevier Science, 2015. P. 437–442.

Kusenbach M. Street Phenomenology: The Go-Along as Ethnographic Research Tool // Ethnography. 2003. № 4 (3). P. 455–485.

Parsons S., Elliot J. Social Participation and Identity, 2007–2010: Investigation of a Sub-Sample of the 1958 National Child Development Study. 2nd ed. 2010. URL: <http://www.esds.ac.uk/doc/6691/mrdoc/pdf/6691uguide.pdf> (дата обращения: 18.06.2017).

Strangleman T. Deindustrialization and the Historical Sociological Imagination: Making Sense of Work and Industrial Change // Sociology. 2017. № 2 (51). P. 466–482.